

Профессиональные обзоры

VR Мы публикуем новый обзор состояния экономической социологии в современной России. Наш предыдущий обзор на эту тему был посвящен состоянию данной дисциплины в середине 1990-х гг. и опубликован в монументальном труде «Социология в России» под ред. В.А. Ядова (1998). В нем предпринималась первая попытка анализа общего состояния и отдельных направлений развития постсоветской экономической социологии в России. С тех пор появилась масса новых работ, активно происходила институционализация новой дисциплины. В данном номере публикуется первая часть работы, в которой дается общая характеристика состояния экономической социологии в советский и постсоветский периоды и характеризуются процессы ее институционализации. Вторая часть, которая выйдет в следующем номере, будет посвящена краткому обзору основных направлений российской экономической социологии.

Экономическая социология в России: становление и развитие

Радаев Вадим Валерьевич

Государственный университет – Высшая школа экономики

Мы рассмотрели основные направления мировой экономической социологии. Теперь проанализируем ситуацию в современной России. Здесь развитие экономической социологии происходит не менее активно. Дисциплина становится все более популярной, осваиваются новые теоретические направления, проводится множество интересных эмпирических исследований, наблюдается интенсивная институционализация экономической социологии в академическом сообществе. В этом процессе, разумеется, есть и свои особенности, которые мы покажем далее.

Подробное рассмотрение истории экономико-социологических исследований в советский период не является задачей данной работы. Тем не менее сначала мы коснемся вопроса об их специфике в Советском Союзе, чтобы лучше понять их трансформацию в постсоветское время. Далее будет охарактеризован процесс формальной институционализации экономической социологии в России в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. Наконец, мы обрисует состояние различных направлений экономико-социологических исследований в нашей стране по прошествии более чем десяти лет рыночных реформ¹. Для характеристики структуры исследований будут использованы специальные тематические рубрикаторы, разработанные автором в 2001 г. на основе изучения современной литературы и многочисленных бесед с ведущими специалистами-экономсоциологами (см. Приложение).

Экономическая социология в советский период

В России термин «экономическая социология» вошел в активный научный оборот лишь в середине 1990-х гг. Однако это не означает, что экономическая социология здесь вовсе не существовала и ее приходилось «обустраивать» на голом месте. Просто до некоторого

---

¹ Первый вариант подобного обзора был посвящен состоянию данной дисциплины в середине 1990-х гг. (Радаев В.В. Экономическая социология: современное состояние и перспективы развития /Ядов В.А. (ред.) Социология в России. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 253–263 (<http://www.auditorium.ru/books/85/>)).

времени она выступала под иными именами (как это происходило и во многих других странах). Зачатки экономической социологии начали формироваться задолго до реформ, а ее отдельные направления активно развивались, хотя и в весьма специфических формах, присущих советским общественным наукам.

Методологически экономическая социология в СССР базировалась на сложном сочетании двух элементов: ортодоксальной марксистской политической экономии в качестве официальной доктрины и «буржуазной» теории структурного функционализма. Приверженность марксизму всячески подчеркивалась (что отвечало и навязанным правилам игры, и искренним убеждениям большинства обществоведов), в то время как функционализм был для многих предметом более или менее явных увлечений, но держался при этом на безопасной дистанции.

Проявлением существенного влияния буквы и духа марксистской политической экономии и ортодоксального марксизма в целом были следующие методологические предпосылки, характерные для основной линии советской социологии:

- структурализм (обоснование хозяйственного поведения наличием достаточно жестких структур);
- примат макроподхода (признание основополагающей роли структур на уровне всего общества);
- историзм (или историцизм) (объяснение социальных изменений посредством выведения объективных законов развития этих структур);
- экономический детерминизм (выведение указанных законов прежде всего из отношений производства).

Марксистская экономико-детерминистская доктрина, исходящая из примата экономических отношений над социальными, конечно, не лучшее основание для развития экономической социологии, которая в принципе должна исходить из противоположного. Однако ортодоксальный марксизм допускал и обратное влияние «надстройки» (социальных отношений) на «базис» (производственные отношения), и именно это позволяло выстроить нишу для зарождающегося экономико-социологического подхода под «крышей» официального учения.

Что же касается увлечения структурным функционализмом, который долгое время воплощал для советских социологов основные достижения западной социологической теории, то оно позволяло достраивать марксистские схемы социальными категориями. Из рук в руки передавались книги функционалистов, присылаемые западными или восточноевропейскими коллегами, а в 1968 г. появился и первый переводной сборник их трудов, сыгравший заметную роль в развитии отечественной социологии².

Заметим, что несмотря на, казалось бы, непримиримое противостояние советского марксизма и «буржуазного» функционализма, между ними не было непреодолимой пропасти. Обе парадигмы были выражением относительно жесткого структурализма, отдавали приоритет (хотя и в разной степени) социетальному уровню, характеризовали общество как интегрированную стабильную систему³, стремились к монистическому определению социального порядка. К тому же ортодоксальный марксизм применительно к изучению советского строя был начисто лишен и властного, и собственнического измерений.

---

² Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968.

³ Заметим, что советская политическая экономия уже с 1970-х гг. благоволила так называемому «системному подходу», в котором стихийный функционалистский элемент был достаточно силен.

Этот «беззубый» марксизм, игнорирующий социальные конфликты и отвергающий любые элементы классовой борьбы в условиях победившего социализма, уже мало что мог противопоставить «всеедному» функционализму. В результате они неплохо уживались. И их причудливый альянс хорошо характеризовал то состояние, в котором советская социология приблизилась к концу социализма.

Отбор исследовательских направлений в советский период определялся в большей мере рамками официальной доктрины. Будущая экономическая социология развивалась прежде всего по двум линиям: социологии труда и анализа социально-классовой структуры общества. Именно эти два направления были ключевыми в ортодоксальном марксизме и потому занимали привилегированное положение общества⁴.

Не будет большим преувеличением сказать, что экономическая социология в советский период развивалась, прежде всего, как *социология труда*⁵. Более того, проявилась тенденция выдвинуть «труд» на роль центральной объясняющей категории и представить вообще всю социологию как социологию труда⁶. Что же касается экономической социологии как таковой, то она чаще всего не упоминалась или преподносилась в качестве одной из полутора десятков «внутриотраслевых» социологических дисциплин, занимавшихся изучением трудовой сферы⁷.

Наряду с работами по социологии труда публиковалось и огромное количество работ, посвященных социально-профессиональным и экономическим аспектам *социальной структуры общества* в рамках развития классовой теории марксизма⁸. Эти исследования также имели явный крен в сторону анализа характера труда и производственных отношений.

В то же время, поскольку ряд явлений в советском хозяйстве отсутствовал или их наличие отрицалось, многие будущие направления экономической социологии не могли возникнуть или ютились на периферии, проходя исключительно по разряду «критики буржуазных теорий». Это касалось, например, социологии предпринимательства и трудовых конфликтов, безработицы и бедности.

Появление понятия «экономическая социология» правомерно связывать с развитием *новосибирской экономико-социологической школы* (НЭСШ), созданной под руководством

---

⁴ Среди тех, кто внес свой вклад в советскую экономическую социологию, следует назвать Е.Г. Антосенкова, Ю.В. Арутюняна, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, А.К. Назимову, И.М. Попову, Н.М. Римашевскую, Р.В. Рывкину, М.Х. Титму, О.И. Шкаратана, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова и ряд других. Краткий перечень основных работ приведен в книге: *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск. М.: Наука, 1991. С. 30–31.

⁵ Об истории развития данного направления в России см.: *Кравченко А.И., Щербина В.В.* Социология труда и производства /Ядов В.А. (ред.) Социология в России. 2-е изд. С. 211–239 (<http://www.auditorium.ru/books/85/>).

⁶ Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М.: Изд-во Московского университета, 1993. С. 62. То же, кстати, было характерно и для советской политической экономии социализма, которая порою объявлялась «политической экономией труда» (см., например: *Сорокин Г.М.* Очерки политической экономии социализма. Гл. 2. М.: Наука, 1984. С. 45–74).

⁷ Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. С. 105.

⁸ Обзор этих исследований см.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура и стратификация /Ядов В.А. (ред.) Социология в России. 2-е изд. С. 104–129 (<http://www.auditorium.ru/books/85/>).

Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, где данная дисциплина начала выступать под своим собственным именем⁹. Любопытно, что по признанию Т.И. Заславской выбор данного имени был осуществлен новосибирцами самостоятельно (казалось, что термин «экономическая социология» наилучшим образом соответствует тому, что уже делалось их исследовательским коллективом на протяжении ряда лет). И лишь через какое-то время был найден аналог в западной экономической социологии (прежде всего, в трудах Н. Смелсера и Р. Сведберга)¹⁰.

Методологически работы НЭСШ обозначили разрыв с советской политической экономией и явно выраженный переход на более социологические позиции, под которыми подразумевались позиции структурного функционализма¹¹. Формально этот разрыв начался с обсуждения знаменитого доклада, подготовленного отделом Т.И. Заславской в 1983 г. и его тираж вскоре был изъят органами¹². В результате разработки новосибирской школой предмета экономической социологии возникла концепция «*социального механизма развития экономики*», под которым понималась устойчивая система экономического поведения социальных групп, регулируемого институтами и структурными позициями данных групп. Заславской и Рывкиной принадлежит и первая серьезная попытка развернутой категоризации экономической социологии в России. Итоги этой работы нашли отражение в книге «Социология экономической жизни», вышедшей в 1991 г.¹³ Упор в ней был сделан на две темы – социальную стратификацию и экономическую культуру. Добавим, что еще в середине 1980-х гг. в рамках новосибирской школы было начато систематическое преподавание курса «Экономическая социология», еще находившегося под сильным влиянием традиционной политической экономии, но по тем временам, безусловно, новаторского.

Социологические подходы к изучению разных сторон советского хозяйства применялись, конечно, и другими группами исследователей – ленинградскими (В.А. Ядов, О.И. Шкаратан), уфимской (Н.А.Аитов), пермской (З.И.Файнбург), московскими (Л.А.Гордон, Н.М.Римашевская). Однако значение новосибирской школы, воспитавшей несколько поколений учеников, в данном случае первостепенно. Судьба же школы к началу 2000-х гг. оценивалась противоречиво, ввиду того, что многие ученые старшего и среднего поколения уже давно перебрались в Москву.

Каковы же основные особенности формирования советской экономической социологии? Прежде всего, это специфика кадрового состава советских экономсоциологов (и социологов в целом), состоявшая в принципиально разнородном образовательном профиле

---

⁹ О развитии данной школы см.: Заславская Т.И., Калугина З.И. (отв. ред.). Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. Раздел 1. С. 15–146 (<http://ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/HistInd.htm>).

¹⁰ Заславская Т.И. Интервью // Экономическая социология. Т. 3. № 5. 2002. С. 9 (<http://www.ecsoc.msses.ru/Discussion.php>).

¹¹ О разрыве с политической экономией см.: Заславская Т.И. Интервью // Экономическая социология, Том 3, № 5. 2002. С. 10–11 (<http://www.ecsoc.msses.ru/Discussion.php>).

¹² О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 18–40.

¹³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991. Это был первый том запланированного масштабного труда. К сожалению, второй том работы остался неопубликованным.

преподавателей и исследователей. Поскольку первые факультеты социологии в стране были открыты лишь в 1989 г., никто из ведущих специалистов не имел (и не мог иметь) базового социологического образования. Будущими экономсоциологами оказывались специалисты, получившие образование в смежных областях, главными из которых были:

- экономика (политическая экономия);
- история;
- философия;
- психология.

Выходцы из этих областей имели свои методологические и тематические пристрастия: «философы» концентрировали свое внимание на истории социологической теории; «психологи» занимались изучением трудовой мотивации; «экономисты» тяготели к проблемам социально-экономической дифференциации; «историки» проявляли интерес к анализу сдвигов в социальной структуре общества. Подобная разнородность порождает противоречивые эффекты. С одной стороны, экономическая социология обретает способность к более широкому видению и заимствованию элементов из разных сфер социального знания. С другой стороны, затрудняется выработка теоретических конвенций и объединяющих исследовательских программ.

Чтобы показать еще одно отличие советской социологии, стоит обратиться к венгерскому экономсоциологу Д. Ленгелю, который ввел различие между парадигмально-ориентированной и проблемно-ориентированной социологией. Первая четко определяет себя по методу, который применяется по отношению к разным объектам. Вторая же заботится в первую очередь о нахождении наиболее острых (актуальных) проблем и имеет относительно размытую методологическую приверженность. Ленгель утверждал, что исследователи в Восточной Европе, в отличие от своих западных коллег, тяготеют в большей степени к *проблемно-ориентированному подходу* – они классифицируются прежде всего по объектным областям (что изучается), а не согласно парадигмальным пристрастиям (как изучается)¹⁴. Мы полагаем, что тяготение к проблемно-ориентированному подходу в полной мере характерно и для российского академического сообщества, причем данная черта еще более развилась в постсоветский период.

Экономическая социология в постсоветский период

В перестроечный период возникли два подхода к пониманию «исторического места» экономической социологии. Сторонники первого пытались сохранить в качестве ее дисциплинарного «ядра» былую социологию труда, выделив экономической социологии место ее «рыночного приложения». Будучи одной из отраслей социологии труда, такого рода «экономическая социология» должна была заниматься «новыми явлениями», возникшими в реформенный период, – проблемами предпринимательства, приватизации, маркетинга и т.п. Подобный подход весьма слабо отражал ситуацию в мировой социологии, где роль традиционной социологии труда (особенно в ее марксистских вариантах) заметно снижалась. Суть второго подхода, который был предложен автором данного текста, состоит в обратном: экономическая социология становится общим методологическим основанием для множества направлений, вбирая в себя значительную часть традиционной трудовой проблематики.

---

¹⁴ *Lengyel G. Economic Sociology in East-Central Europe: Trends and Challenges. Paper presented at the 2nd Conference of the European Sociological Association (Budapest, 30 August – 2 September 1995).*

Период доминирования социологии труда завершился, началась экспансия экономической социологии.

Свою роль в ослаблении внимания к трудовой проблематике сыграл и развал заводской социологии, которой в советское время были заняты тысячи специалистов. В постсоветское время частные компании проявляют значительно больший интерес к маркетинговым и рекламным сюжетам, нежели к вопросам содержания и характера труда работников.

С методологической точки зрения, в постсоветский период в экономической социологии произошли следующие изменения:

- утверждение методологического плюрализма;
- появление новых исследовательских направлений;
- освоение опыта западной экономической социологии;
- усиление связи с экономической теорией;
- попытки интеграции экономической социологии как единого направления.

Правда, указанные тенденции реализуются в разной степени. Что касается *методологического плюрализма*, он развился весьма сильно на фоне общего снижения влияния марксистской теории. Появилось множество новых течений, фактически неизвестных в советское время, что следует считать несомненным плюсом. Возникло и большое количество новых исследовательских объектов, которые ранее отсутствовали в хозяйственных практиках или находились под идеологическим запретом.

Развернулся процесс *освоения западных теорий* (американских и европейских), но к началу 2000-х гг. он далек от завершения. В течение 1990-х гг. обращение к западному наследию во многом ограничивалось «открытием» западной классики – работ М. Вебера, Г. Зиммеля, Й. Шумпетера. В то же время труды большинства современных авторов (пожалуй, за исключением, П. Бурдьё) оставались вне поля зрения, не упоминались даже их фамилии. Серьезным ограничением (на фоне общего низкого уровня знания иностранных языков) выступило фактическое отсутствие вплоть до начала 2000-х гг. профессиональных переводов работ ведущих западных экономсоциологов.

Связь экономсоциологии с экономической теорией также оставалась слабой. Большинство советских социологов (как, впрочем, и экономистов) имели о неоклассической экономической теории весьма приблизительные представления. И ситуация в среде социологов в этом отношении изменилась незначительно. Исключение составляет их более широкое знакомство с новой институциональной экономической теорией (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон), благо появились переводы нескольких книг, а также трудов представителей новой австрийской школы (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но этим список, по большому счету, и ограничивается.

Делались также первые попытки *интеграции экономической социологии* как особого исследовательского направления. Об одной из них (предпринятой новосибирской школой) уже упоминалось. Помимо этого, во второй половине 1990-х гг. появилось сразу несколько книг под названием «Экономическая социология». В 1995 г. в Санкт-Петербурге под таким названием была опубликована книга Ю.В. Веселова, имевшая подзаголовок «История идей», и посвященная преимущественно экономико-социологической классике¹⁵. В этот же период в Белоруссии (по умолчанию причисляемой в обзорных трудах к России) появляется книга

---

¹⁵ *Веселов Ю.В.* Экономическая социология: история идей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995.

«Экономическая социология» Г.Н. Соколовой, продолжающая функционалистскую линию, начатую ранее Заславской и Рывкиной¹⁶.

В Москве вышли в свет книги В.И. Верховина (1997) и В.В. Радаева (1998). В работе Верховина предлагалось то, что можно было бы назвать политико-экономически ориентированным подходом к экономической социологии¹⁷. Книга В.В.Радаева, напротив, была более «социологична», характеризовалась более явными отсылками к веберовской методологии. Она также содержала наиболее полное и систематическое изложение западных теорий (за что автор неоднократно упрекался в «западничестве»)¹⁸.

Несмотря на эти первые усилия, вряд ли есть основания утверждать, что к началу 2000-х гг. сложилось какое-либо единое представление о характере и общих контурах российской экономической социологии. К тому же, ее быстрый рост сопровождался *снижением интенсивности профессиональной коммуникации* в российском академическом сообществе. Многие исследователи устремились на Запад, предпочитая контакты с зарубежными партнерами связям с соотечественниками из других организаций и регионов. Внимание заметно рассеялось, коллеги стали меньше читать работы друг друга. При этом, если число российских профессиональных журналов даже увеличилось, то число читателей каждого из них относительно сократилось. Снизилось и количество внутрirosсийских конференций. Одновременно повысилась степень *фрагментации знания*, поскольку приверженцы отдельных течений на стадии ускоренного обучения западным теориям оказались недостаточно осведомлены о трудах «соседей».

На этом фоне укрепилась тенденция к *регионализации исследований*: университетские коллективы и отдельные авторы изобретают свои «доморощенные» концепции – отчасти как результат плохого знания того, что накоплено в мировой социологии, отчасти как проявление локального патриотизма¹⁹. Замыкание на подобных парадигмах, разумеется, усиливает фрагментацию социологической дисциплины, которая и так никогда не отличалась особой методологической целостностью.

Институционализация экономической социологии

В 1990-е гг. в России развернулся активный процесс институционализации экономической социологии, проходивший однако не совсем обычно. «Нормальная» логика развития новой дисциплины должна была бы выглядеть следующим образом. Сначала появляются первые работы представителей нового направления, пытающихся доказать его оригинальность и обоснованность. Их появление первоначально сталкивается с безразличием или критикой со стороны академического сообщества, стремящегося встроить новое направление в уже существующие рубрикаторы или дезавуировать его как незначимое. В течение какого-то

---

¹⁶ Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1998. Отметим также выход в Иркутске учебно-методического материала: Токарская Н.М., Озерникова Т.Г. Экономическая социология. Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1995.

¹⁷ Верховин В.И. Экономическая социология. М., 1998. В более поздней книге В.И. Верховина методологический спектр существенно расширяется и становится более «социологичным» (Верховин В.И. Зубков В.И. Экономическая социология. М.: Изд. Российского университета Дружбы народов, 2002).

¹⁸ Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.

¹⁹ О «доморощенных» концепциях в социальных науках см.: Радаев В.В. Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках? // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 202–214 (<http://pubs.carnegie.ru/russian>); Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М.: ГУ–ВШЭ: Инфра-М, 2001. Гл. 7.

времени происходит процесс символической борьбы: представители нового направления, пытаясь отстоять свое «место под солнцем», предлагают новые концепции, реконструируют соответствующую традицию и создают вокруг себя относительно широкие профессиональные коалиции. Когда же под знаменем этого нового направления удастся собрать критическую массу приверженцев и опубликовать заметное число работ, ставится вопрос об его институционализации – включении его в официальные тематические рубрикаторы, создании занимающихся им структурных единиц (кафедр, исследовательских лабораторий, а затем, если повезет, и целых институтов).

Любопытно, что развитие российской экономической социологии в постсоветский период следовало прямо противоположной логике. Сначала возникло широко распространенное убеждение, что данное направление обладает несомненной ценностью, и началась его активная формальная институционализация. В то же время, по крайней мере на первом этапе, конвенциональные представления о содержании и структуре данной дисциплины, по существу, отсутствовали или ограничивались утверждениями общего плана (наподобие тех, что под экономической социологией следует понимать «применение методов социологического изучения общественных институтов к структурам, действиям и субъектам экономической сферы»²⁰). Работа по реконструкции традиции началась, таким образом, уже после институционального оформления дисциплины.

Как же происходила формальная институционализация экономической социологии? Усилиями Т.И. Заславской и Н.И. Лапина «Экономическая социология» была утверждена в составе нового поколения *государственных образовательных стандартов*. Вместе со специальностью, по которой могли специализироваться студенты вузов, возникла также новая специальность – «Экономическая социология» (22.00.03), по которой можно было защищать кандидатские и докторские диссертации. В ведущих вузах начали принимать в аспирантуру по данному направлению. Создавались кафедры экономической социологии на социологических факультетах, – например, в Санкт-Петербургском государственном университете (во главе с Ю.В. Веселовым), Государственном университете – Высшей школе экономике (заведующий кафедрой – О.И. Шкаратан), Московском государственном университете (вскоре была закрыта).

В итоге *территориальная карта* российских экономико-социологических исследований во многом определялась тем, на какой базе формировалась социология в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Наиболее благоприятная среда закономерно появлялась там, где происходило отпочкование от факультета экономики (Новосибирский государственный университет²¹, Санкт-Петербургский государственный университет²²) или факультета менеджмента при его сильных связях с экономическим факультетом (Государственный университет – Высшая школа экономики). Куда скромнее обстоят дела в тех случаях, когда социология строилась на развалинах отделений научного коммунизма.

Появились новые исследовательские центры. В Институте экономики РАН сформировался сначала сектор, а затем Отдел экономической социологии и социальной политики (руководитель – В.В. Радаев). Важным событием стало образование Института

---

²⁰ Левада Ю.А. Социальные рамки экономического действия /Левада Ю.А. Лекции по социологии. М., 1993. С. 61.

²¹ В развитии социологии в Новосибирске решающую роль сыграла ее изначальная тесная связь с экономическими исследованиями Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

²² Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета был образован наполовину за счет экономического, а наполовину – за счет философского факультетов.

сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), имевшего свои отделения в Москве, Кемерово, Самаре, Сыктывкаре (руководители – С. Кларк, В. Борисов, В. Кабалина, И. Козина). Под крышей Института мировой экономики и международных отношений РАН обосновался Отдел социально-трудовых проблем (Л.А. Гордон, Э.В. Клопов). Переехала в Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН лаборатория М.А. Можиной. Важнейшим учреждением, постоянно проводящим исследования в области экономической социологии, стал созданный Т.И. Заславской Всероссийский Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (руководители – Ю.А. Левада, Л.А. Хахулина). В Московской Высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН) сформировался Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) (руководители – Т.И. Заславская, Т. Шанин, В.В. Радаев). Начал активно действовать Российский независимый институт социальных и национальных проблем (Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко). Близки к экономической социологии большинство работ, выпускаемых новым Независимым институтом социальной политики (руководитель – Т.М. Малева). Сложилась сеть социологических исследовательских центров по всей России, которые за некоторыми исключениями базировались на кафедрах ведущих университетов или были с ними непосредственно связаны. Эти центры не специализировались на экономической социологии (и вообще на каком-либо отдельном направлении), но выполняли в том числе и экономико-социологические проекты.

Повысился спрос на экономико-социологические материалы со стороны *академических журналов*. В журнале «Социологические исследования» соответствующая рубрика была введена еще в 1992 г. Регулярно статьи по экономической социологии печатались в «Мониторинге общественного мнения ВЦИОМ: Экономические и социальные перемены», «Социологическом журнале», «Мире России», «Журнале социологии и социальной антропологии», «Рубеже» и междисциплинарном журнале «Общественные науки и современность». Проявили интерес к данной тематике и экономические журналы. В 1994 г. специальная рубрика «Экономическая социология» появилась в «Российском экономическом журнале» (правда, она просуществовала недолго – всего полтора года)²³. Активно печатали экономико-социологические материалы журналы «Вопросы экономики», «Проблемы прогнозирования».

Однако специализированный экономико-социологический журнал появился лишь в сентябре 2000 г. Это *электронный журнал «Экономическая социология»* (главный редактор – В.В.Радаев, ответственный редактор – М.С. Добрякова), который был создан при поддержке МВШСЭН. Журнал выходит пять раз в год, в нем публикуются новые тексты и переводы, интервью с ведущими мировыми экономсоциологами и дебютные работы молодых исследователей, профессиональные обзоры и рецензии на новые книги, новые учебные программы, информация об исследовательских проектах и научных конференциях. Журнал размещен по адресу: <http://www.ecsoc.msses.ru>.

Экономическая социология внедрилась и в *учебный процесс*. Соответствующий курс в течение многих лет преподавался в Новосибирском и Санкт-Петербургском государственных университетах, Московской Высшей школе социальных и экономических наук. В Новосибирске «Экономическая социология» стала одной из двух специализаций, обеспечиваемых кафедрой социологии (заведующий кафедрой – Т.Ю. Богомолова). Но наиболее развитая и широкая программа учебных курсов по экономической социологии была реализована на кафедре экономической социологии факультета социологии Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ) после ее

---

²³ Речь идет о публикации цикла из 16 статей в «Российском экономическом журнале» В.В.Радаева в рубрике «Экономическая социология» (1994. № 8–11; 1995. № 1–4, 7–8, 10–11; 1996. № 1–2, 4–6).

реорганизации (с 1999 г. заведующий кафедрой – В.В. Радаев). Здесь «Экономическая социология» является ведущей специализацией на факультете для бакалавров и специалистов. Создана также совместная магистерская программа ГУ–ВШЭ и МВШСЭН, в которой значительную долю составляют курсы по экономической социологии, а также магистерская программа по экономической социологии на факультете экономики ГУ–ВШЭ (руководитель – О.И. Шкаратан).

Серьезную институциональную и финансовую поддержку развитию экономико-социологических учебных дисциплин оказала *Инновационная программа развития образования*, реализуемая Национальным фондом подготовки кадров (НФПК) в рамках образовательного займа Всемирного банка. В ходе этой программы разрабатывались пакеты экономико-социологических курсов (или социологических курсов для экономистов) в ряде российских университетов: ГУ–ВШЭ, Байкальском государственном университете экономики и права, Волгоградском и Нижегородском государственных университетах, МВШСЭН.

Возрастает число защищаемых *диссертационных работ* по экономико-социологической проблематике. По специальности 22.00.03 открыты специализированные диссертационные советы в Москве, Волгограде, Казани, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саратове, Тюмени, Уфе и других городах. Число этих советов пока относительно невелико, и в результате значительная часть диссертаций по экономико-социологической проблематике в начале 2000-х гг. защищалась формально по другим, ранее утвердившимся специальностям. Так, до половины защит таких работ проходят по «безразмерной» специальности 22.00.04 – «Социальная структура, институты и процессы», а еще примерно одна пятая – по специальности 22.00.08 – «Социология управления». Специфика ситуации, таким образом, заключается в том, что собственно по специальности «Экономическая социология» в начале 2000-х годов защищалась лишь каждая седьмая диссертация из тех, которые по содержанию могли быть отнесены к той или иной экономико-социологической области²⁴.

Диссертационную активность в интересующей нас области в начале 2000-х годов проявляли более 70 учреждений из примерно 30 городов России. При этом лидировала, разумеется, Москва (около 40% всех защит кандидатских диссертаций), далее шли Саратов (10%) – благодаря усилиям Саратовского государственного технического университета и команды по руководством В.Н. Ярской-Смирновой и Е.В. Ярской-Смирновой) – и Санкт-Петербург (8%). К сожалению, основная часть защит диссертационных работ проходит в учреждениях, не отличающихся высоким уровнем требовательности к качеству этих работ – на факультетах социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российской Академии государственной службы при Президенте РФ, Московского государственного университета сервиса. Причем первые два учебных заведения «поставили» более 40% всех новоиспеченных кандидатов социологических наук²⁵. Многие из упоминавшихся нами ранее ведущих вузов имеют показатели в десять раз ниже (и в данном случае вряд ли это их плохо характеризует).

---

²⁴ Котельникова З.В. «Молодая гвардия» экономической социологии: Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций (2000–2002 гг.) // Экономическая социология. Т. 4. № 3. 2003. С. 138 (<http://www.ecsoc.msses.ru/ProfReview.php>). Если анализировать диссертации по содержательному, а не формальному принципу (а именно на этой основе они относились к экономической социологии), то окажется, что наиболее популярными темами (по крайней мере, кандидатских диссертаций) были рынок труда, трудовые отношения, предпринимательство и право собственности, а также работы, посвященные регулирующей роли государства в экономике.

²⁵ Там же. С. 143–145.

Экономико-социологическая проблематика регулярно обсуждалась на *научных конференциях и семинарах*. Свое десятилетие отметил в 2003 г. Международный симпозиум «Куда идет Россия?..» Интерцентра МВШСЭН (руководитель – Т.И. Заславская). Здесь ежегодно проводились заседания специальной секции, или пленарная панель, объединявшая экономсоциологов и экономистов социального и институционального направлений. По итогам каждого симпозиума выпускались сборники работ²⁶.

В январе 2000 г. в Москве состоялась крупная и пока в своем роде единственная для России *Международная конференция «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия»*, выстроенная по канонам международных конгрессов. Она была организована коллективом во главе с В.В. Радаевым на базе Московской Высшей школы социальных и экономических наук как промежуточная конференция (Interim Conference) двух наиболее крупных профессиональных социологических ассоциаций – Международной социологической ассоциации (ISA, Комитет RC02 «Хозяйство и общество») и Европейской социологической ассоциации (ESA, Исследовательская сеть по экономической социологии). В конференции приняли участие более ста исследователей из 16 стран и 14 регионов России. На ней выступили такие ведущие ученые как М. Аболафия, Н. Биггарт, Дж. Гершуни, Э. Минджиони, Д. Старк, Х. Уайт, А. Шик и многие другие²⁷.

Немало молодых экономсоциологов влилось в российское сообщество благодаря *летним школам*. Здесь следует упомянуть в первую очередь программу «Новое поколение» Московского общественного научного фонда (МОНФ), который в 1990-е гг. организовал пять всероссийских летних школ. Традиция отчасти была поддержана специальной летней школой для 30 российских экономсоциологов и институциональных экономистов, проведенной в 2002 г. в Москве совместно Федерацией интернет-образования и ГУ-ВШЭ²⁸.

Важную роль в развитии экономической социологии сыграли также семинары, проводимые в рамках общероссийских конкурсов «Социальная политика: реалии XXI века» (при поддержке Фонда Форда), участниками которых были прежде всего экономисты и экономсоциологи, а также регулярные конкурсные обсуждения EERC, которые проводились в основном для экономистов, но привлекали также часть экономсоциологов.

Особое место в развитии экономико-социологических исследований принадлежит открытым базам *первичных социологических данных*. В первую очередь здесь речь идет о Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), организованном на базе Института социологии РАН (руководители – П.М. Козырева и М.С. Косолапов) совместно с университетом Северной Каролины (США). Мониторинг, более известный в профессиональных кругах как RLMS, отметил в 2003 г. свое десятилетие. Он остается пока единственным открытым для исследователей источником социально-экономических общероссийских панельных данных, собранных на базе пятитысячной национальной выборки домашних хозяйств. Панельные данные Госкомстата России – более масштабные по

---

²⁶ Обзор первых семи сборников по итогам симпозиума см.: Громова Р.А. Куда идет Россия? Семь лет в пути // Экономическая социология. Т. 1. № 2. 2000. С. 85–93 (<http://www.ecsoc.msses.ru/NewBook.php>). О восьмом симпозиуме см. вступительный текст Т.И. Заславской: Экономическая социология. Т. 2. № 1. 2001. С. 154–158 (<http://www.ecsoc.msses.ru>). Обзор работы девятого симпозиума дан в статье И.П. Поповой: Экономическая социология. Т. 3. № 2. 2002. С. 135–139 (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

²⁷ Подробнее об этой конференции см.: *Рощина Я.М.* Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия // Экономическая социология. Т. 1. № 1. 2000. С. 130–135 (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

²⁸ Об этой школе см. обзор А.В. Шевчука: Экономическая социология. Т. 3. № 4. 2002. С. 160–162 (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

объему – вызывают множество нареканий в области методологии и, главное, закрыты для широкого доступа специалистов.

Определенную роль в начале 1990-х гг. сыграла открытая база данных мониторинга ВЦИОМ, созданная при поддержке Института «Открытое общество» в МВШСЭН (руководитель – А.О. Крыштановский). Однако эта база данных осталась во многом не раскрученной, а со временем ВЦИОМ сократил поток передаваемых «сырых» данных. И новые надежды в начале 2000-х гг. связывались уже с Единым архивом социологических данных, созданным при поддержке Фонда Форда на базе Независимого института социальной политики (директор – Т.М. Малева). Архив предоставляет систематический доступ к первичным данным целого ряда опросных и исследовательских центров.

Появились новые источники систематизированных *электронных ресурсов* по экономической социологии. Одним из лидеров здесь стал новосибирский «Соционет» (С.И. Паринов), работающий в стандартах REPEC и систематизирующий в том числе экономико-социологические ресурсы (<http://www.socionet.ru>). Заметное место занял Аудиториум, созданный при поддержке института «Открытое общество» (<http://www.auditorium.ru>). Среди прочих электронных хранилищ вызывает интерес, например, «Либертариум», содержащий тексты по институциональной экономике (<http://www.libertarium.ru>).

Наконец, пришло время для задействования и специализированных электронных ресурсов. В 2000 г., как мы уже упоминали, появился электронный журнал «Экономическая социология». А затем в 2001 г. при поддержке Фонда Форда и ГУ–ВШЭ был создан ЭКСОЦЕНТР (виртуальный центр ресурсов по экономической социологии) (<http://www.ecsoc.ru>), который предложил открытый доступ к лучшим отечественным и зарубежным электронным ресурсам, включая аннотации статей и книг, информацию об ученых и исследовательских центрах, электронных хранилищах и диссертационных работах. В рамках работы по созданию ЭКСОЦЕНТРа его руководителем В.В. Радаевым были созданы новые тематические рубрикаторы по экономической социологии.

ЭКСОЦЕНТР послужил моделью при создании в 2003 г. более мощного информационного ресурса – *Образовательного портала по экономике, социологии и менеджменту* (<http://www.ecsocman.edu.ru>), в разработке и наполнении которого приняли участие десятки лучших специалистов из разных вузов Москвы и других городов (основной разработчик – ГУ–ВШЭ). Через полгода после своего создания портал превратился в один из самых посещаемых профессиональных образовательных ресурсов в России. Его тематика весьма широка, в нем содержатся в том числе обширные разделы по экономической социологии и институциональной экономике. Отметим, что в 2003 г. среди ресурсов портала появились тексты учебных программ, разработанных в рамках программы НФПК.

В результате создания ЭКСОЦЕНТРа и федерального образовательного портала читателям стали доступны в режиме он-лайн полнотекстовые документы ряда важных профессиональных журналов, которые ранее можно было получить лишь в бумажном виде – «Российский экономический барометр», THESIS, «Общественные науки и современность», «Экономический журнал ГУ–ВШЭ». Здесь также есть прямой доступ к текстам журнала «Рубеж», «Журнала социологии и социальной антропологии».

Наконец, трудно переоценить значение в распространении экономико-социологических идей и институционализации направления в целом *переводов зарубежных классических и современных работ*. Здесь вплоть до начала 2000-х гг. дела обстояли не лучшим образом. Переводы работ западных авторов практически отсутствовали за исключением, пожалуй, серии важных публикаций в альманахе THESIS в 1993–1994 гг. (тексты К. Поланьи,

Ю. Эльстера, П. Вайзе, Г. Саймона и др.)²⁹ и нескольких статей в журнале «Вопросы экономики» (Л. Тевено, Д. Старк)³⁰.

Даже с классикой дела обстояли не самым лучшим образом – экономсоциологические работы М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса все еще ожидали своего часа. Этот час настал лишь в 2000-е гг. В журналах появились первые переводы работы Дж. Коулмана, Р. Сведберга³¹. После долгих задержек вышли в переводе «Великая трансформация» К. Поланьи, фундаментальные тома Т. Парсонса и П. Бурдьё³².

Что же касается перевода трудов современных авторов, то по-настоящему систематическая работа началась лишь в 2000 г. коллективом электронного журнала «Экономическая социология», где в каждом номере выходил какой-нибудь новый перевод (основной переводчик – М.С. Добрякова, научный редактор – В.В. Радаев). Так на русском языке впервые увидели свет работы М. Грановеттера, Ф. Доббина, В. Зелизер, Н. Флигстина, Х. Уайта и многих других. Одновременно в каждом номере журнала публиковались интервью с ведущими мировыми экономсоциологами (в том числе: М. Грановеттер, У. Пауэлл, Р. Сведберг, Н. Смелсер, Д. Старк, Л. Тевено, Х. Уайт, Н. Флигстин и др.) и экономистами, близкими к экономической социологии или оказавшими на нее серьезное влияние (Дж. Акерлоф, О. Уильямсон)³³.

Помимо электронных публикаций, эта работа воплотилась в серии «бумажных» изданий. Вышел фактически первый сборник работ ведущих современных экономсоциологов «Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу», который включал новые, ранее не публиковавшиеся работы таких ведущих авторов, как Н. Биггарт, Д. Старк, Л. Тевено, Х. Уайт, Н. Флигстин³⁴. Завершается длительная работа по созданию хрестоматии «Западная экономическая социология» (при поддержке Института «Открытое общество» и НФПК)³⁵. Хрестоматия включает более двадцати полных текстов, основную часть которых составляют лучшие работы экономсоциологов 1990-х гг. Готовится к публикации (при поддержке НФПК) и особое издание «Экономическая социология в

---

²⁹ Полные тексты данных статей см. на сайте Института гуманитарных и историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ (<http://www.hse.ru/science/igiti/thesis.shtml>) или в Образовательном портале по экономике, социологии и менеджменту (<http://www.ecsocman.edu.ru>).

³⁰ *Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 4–24; *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.

³¹ *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139; *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 13–35.

³² *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000; *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002; *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

³³ См. специальные рубрики «Интервью» и «Новые переводы» журнала «Экономическая социология» (<http://www.ecsoc.mses.ru>).

³⁴ *Радаев В.В.* (сост. и ред.). Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002.

³⁵ Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики /Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004 (в печати).

России и в мире» (составитель и научный редактор – В.В. Радаев, переводчик – М.С. Добрякова). В нее будут включены обзоры состояния экономической социологии в России и разных странах, а также серия интервью с ведущими экономсоциологами, ранее публиковавшихся в журнале «Экономическая социология». Отдельно упомянем завершенный перевод одной из лучших экономико-социологических книг – «Социальное значение денег» В. Зелизер³⁶.

Отметим также появление переводов работ ведущих авторов, занимающихся исследованиями в русле новой институциональной экономической теории³⁷. Эти работы используются экономсоциологами – и позитивно, и в качестве объекта для критики.

В целом можно заключить, что процесс институционализации экономической социологии, активно начатый в 1990-е гг., ускорился в начале 2000-х гг. Тем не менее степень содержательной интеграции экономико-социологической дисциплины по-прежнему не стоит преувеличивать. Многие исследователи, работающие в данной области, продолжают идентифицировать себя с экономистами или социологами труда. Развитие исследований по разным тематическим направлениям, как мы увидим в следующем разделе, происходит весьма неравномерно.

(Окончание в следующем номере)

---

³⁶ Зелизер В. Социальное значение денег. М.: ГУ–ВШЭ, 2004 (в печати).

³⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997; Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. СПб., Лениздат, 1996; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003; Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Профессиональные обзоры

VR Мы публикуем вторую часть обзора состояния экономической социологии в современной России. Первая часть, опубликованная в предыдущем номере, была посвящена общей характеристике экономической социологии в советский и постсоветский периоды, а также процессам ее институционализации. Во второй части дается краткий обзор основных направлений российской экономической социологии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Радаев Вадим Валерьевич

Государственный университет – Высшая школа экономики

Окончание (начало см.: [Т. 5. № 3. С. 126–139](#))

Число российских работ по экономической социологии стремительно растет. Сразу оговоримся, что мы не представляем полный обзор публикаций по экономико-социологической проблематике, но лишь приводим примеры работ, которые характеризуют то или иное исследовательское направление. Мы будем опираться на два новых оригинальных рубрикатора, разработанных при реализации проекта ЭКСОЦЕНТРА (<http://www.ecsoc.ru>) на основе изучения современной литературы и многочисленных бесед с ведущими специалистами. Первый рубрикатор подразделяет работы по методологическим подходам, а второй – по тематике исследований (см. Приложение).

Обзоры состояния экономико-социологических исследований в России пока немногочисленны¹. Видимо первая попытка анализа общего состояния и отдельных направлений развития постсоветской экономической социологии в России была предпринята в нашем обзоре, подготовленном для фундаментального тома «Социология в России». Обзор был посвящен исследованиям середины 1990-х годов, и этот первый материал мы несомненно используем и здесь². Теперь пройдем по основным тематическим блокам.

---

¹ См., например: Радаев В.В. Экономическая социология: состояние и перспективы развития // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 253–263 (<http://www.auditorium.ru/books/85>); Веселов Ю.В. Экономическая история в России: история и современность // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 63–70; Якубович В., Ярошенко С. Экономическая социология в России // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 141–145.

² Были проанализированы все статьи, вышедшие в 1994-1996 гг. в четырех ведущих журналах, публикующих релевантные тексты: «Мониторинг общественного мнения: Социальные и экономические перемены», «Общественные науки и современность», «Социологические исследования» и «Социологический журнал». Был создан первый вариант специального тематического рубрикатора, на основе которого были классифицированы 323 статьи и 72 рецензии на книги, опубликованные в 81 журнальном выпуске.

Методология и история экономической социологии. Попытки методологических изысканий в интересующей нас сфере возникли еще в 1980-е гг.³, затем они были возобновлены в середине 1990-х гг.⁴ Однако исследования в области *методологии экономико-социологического анализа* следует считать относительной редкостью. Метатеоретическая работа сегодня «не в чести». И сколь-либо оживленной и содержательной дискуссии по поводу специфики экономико-социологического подхода в печати почти не наблюдается⁵. Основным методологическим течением по-прежнему является функционализм. Куда меньше в явном виде используется веберовская методология, хотя М. Вебер и считается «штатным классиком»⁶. Сохраняются политико-экономические интерпретации экономической социологии, впрочем, достаточно далекие от «мейнстрима» данного направления⁷. Встречаются и весьма причудливые сочетания марксизма со старым институционализмом⁸. Почти отсутствуют работы по социологии рационального выбора⁹, крайне немногочисленны работы, связанные с сетевым подходом¹⁰. В то же время больше повезло новому институционализму, который развивается в содружестве с институциональными экономистами¹¹.

Несколько больше работ по *истории экономической социологии*. Однако здесь усилия сосредоточены в первую очередь на изучении классического наследия – К. Маркса (по

---

³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1984. Вып. 1. № 1; Левада Ю.А. Социальные рамки экономического действия // Левада Ю.А. Лекции по социологии. М.: 1993. С. 61–70.

⁴ Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1994. № 10; Радаев В.В. Что изучает экономическая социология // Российский экономический журнал. 1994. № 9. С. 49–55.

⁵ См., например: Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 3–14 (см. также: [Экономическая социология. 2002. Том 3. № 3. С. 21–35](#)); Радаев В.В. Что такое экономическое действие? // [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 18–25](#).

⁶ Давыдов Ю.Н. Веберовская социология капитализма // Социологические исследования. 1994. № 10; Радаев В.В. Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберовский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Отв. ред. И.А. Бутенко. Выпуск XI. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 46–59.

⁷ Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: конвейерная революция и государство // Политические исследования. 1996. № 2, 3.

⁸ Синютин М.В. Институциональный подход в экономической социологии. СПб.: Изд-во НИИХ Санкт-Петербургского государственного университета, 2002.

⁹ Швери Р. Теоретическая концепция Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1–2.

¹⁰ Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // [Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 156–163](#); Барсукова С.Ю. Взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2.

¹¹ Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000; Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 109–130; Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. В 3-х т. М.: Московский общественный научный фонд, 2003.

убывающей), М. Вебера и Г. Зиммеля (по возрастающей). В меньшей степени повезло одному из наиболее интересных классических авторов – В. Зомбарту, который, похоже, был более известен в советское время, нежели сейчас. Российские специалисты только начинают знакомиться с творчеством К. Поланьи.

Еще одна характерная особенность реформенного периода заключалась в активном поиске *российских классиков*. Как правило, речь шла о четырех знаковых фигурах – С.Н. Булгакове, Н.Д. Кондратьеве, М.И. Туган-Барановском и А.В. Чаянове, труды которых были вскоре переизданы¹². В связи с этим нужно заметить, что, при всей похвальности патриотических чувств и действительной самобытности указанных авторов, к экономико-социологической традиции они имеют весьма касательное отношение, идет ли речь о философии хозяйства, теории «длинных волн» или политико-экономическом анализе разных хозяйственных укладов.

Куда более важно то, что *современные западные исследования* в области экономической социологии в публикациях отражения не находили, за исключением отдельных ссылок на М. Грановеттера или Р. Сведберга. История мысли как бы остановилась на так называемой «старой экономической социологии», или перспективе хозяйства и общества, предложенной еще в середине 1950-х годов Т. Парсонсом и Н. Смелсером и развитой впоследствии Смелсером в начале 1960-х годов. Попытки содержательного рассмотрения и систематизации более поздних исследовательских направлений экономической социологии относятся к разряду исключений.

Проблемы предпринимательства и теории организаций. В числе новых предметных областей, которые не могли существовать в советское время, – изучение *предпринимательства*. В период реформ оно стало одним из наиболее активно развивающихся направлений. На первом этапе (в начале 1990-х гг.) исследователей интересовали в первую очередь сами группы предпринимателей – их социально-демографические и профессиональные портреты, каналы рекрутирования, мотивы, по которым они пришли в бизнес¹³. В потоке этих исследований оформился интерес к двум особым группам предпринимателей, которые все дальше и дальше расходились друг от друга – бизнес-элиты¹⁴ и малых предпринимателей¹⁵.

---

¹² Веселов Ю.В. Экономическая социология: история идей. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. Шанин Т. Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 92–109.

¹³ Бунин И.М. Социальный портрет мелкого и среднего предпринимательства в России // Политические исследования. 1993. № 3. С. 149–154; Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 3–12; Радаев В.В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 3–13; Радаев В.В. Новое российское предпринимательство в оценках экспертов // Мир России. 1994. Том 3. № 1. С. 36–54.

¹⁴ Бунин И.М. и др. Бизнесмены России: 40 историй успеха. М.: ОКО, 1994; Аврамова Е.М., Дискин И.Е. Социальные трансформации и элиты // [Общественные науки и современность](#). 1994. № 3; Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997.

¹⁵ Алимова Т., Буев В., Голикова В., Долгопятова Т. Малый бизнес в России: Адаптация к переходным условиям // Вопросы статистики. 1995. № 9. С. 42–48, 59–61; Чепуренко А.Ю. и др. Малое предпринимательство в России: тенденции развития // Малое предпринимательство в контексте российских реформ и мирового опыта / Отв. ред. А.Ю. Чепуренко. М.: 1995. С. 5–39; Малый бизнес в СНГ и Восточной Европе: трудности роста (середина – вторая половина 1990-х годов) / Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.:

На втором этапе во второй половине 1990-х годов, когда группы предпринимателей в основном сложились, интерес начинает смещаться в сторону анализа условий формирования рынков и тех трудностей, с которыми сталкиваются предприниматели при основании и развитии своих предприятий. В центре внимания оказались проблемы входа на рынок, преодоления административных и финансовых барьеров, поддержания контрактных отношений, защиты от посягательств со стороны органов государственной власти и силовых структур. Соответственно в число ключевых попали понятия трансакционных издержек, взаимодействия предпринимателей с представителями власти и силовыми структурами¹⁶. Здесь также проявился повышенный интерес к судьбам малого бизнеса, связанный с временным всплеском активности в области политики его государственной поддержки¹⁷.

В начале 2000-х годов наступил третий этап исследований предпринимательской деятельности, когда структурные и институциональные основания рынков оказались в целом сформированы. При этом на фоне экономического роста, сопровождающегося интенсивными структурными и институциональными трансформациями, главным объектом изучения становятся правила, которыми руководствуются ведущие участники рынков. Все больший интерес вызывает то, как формируются и изменяются эти правила¹⁸. На повестку дня встал

РНИСиНП, 1997. Из более поздних работ см.: Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / Под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

¹⁶ Барсукова С. Август 1998 г. и отечественное предпринимательство // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 2 (Осень). С. 28–45; Воздействие государственного и местного регулирования на предпринимательство. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства. 1998; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998; Радаев В.В. Российский бизнес: структура трансакционных издержек // [Общественные науки и современность](#). 1999. № 6. С. 5–19; Радаев В.В. Предпринимательство в регионе: состояние малого бизнеса // Региональный подход к промышленной реструктуризации в Томской области РФ. Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 1998. С. 273–316; Частный бизнес: становление и развитие в регионах России. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998; Цыганов А. Предприниматель и власть: проблемы взаимодействия // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 97–103; Частный бизнес: становление и развитие в регионах России. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998.

¹⁷ Орлов А. Малое предпринимательство в России: развитие или стагнация? (1992–2001 годы) // Вопросы экономики. 2001. № 10; Радаев В.В. Малый и бизнес и проблемы деловой этики: надежды и реальность // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 72–82; Радаев В.В. Малый бизнес: поддержали и хватит // Эксперт. 2000. 25 сентября (№ 36). С. 12; Чепуренко А.Ю. и др. Малый бизнес после августа 1998 г.: проблемы тенденции, адаптационные возможности // Осенний кризис 1998 года: Российское общество до и после / Под ред. М.К. Горшкова и др. М.: РНИСиП, РОССПЭН, 1998. С. 177–183.

¹⁸ Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. 2001. № 10; Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 138–156; Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4–25; Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 157–209 (см.

вопрос о развитии нового направления – *социологии рынков*, в котором экономическая социология смыкается с новой институциональной экономической теорией. Появилась и первая книга, очерчивающая границы данного направления – «Социология рынков: к формированию нового направления»¹⁹.

Социология рынков смыкается с другим направлением – *социологией хозяйственных организаций*. Но если, скажем, в американской социологии теория организаций сыграла решающую роль в становлении современных экономико-социологических исследований, то российская традиция социологии организаций оказалась на удивление слабой. Долгое время чуть ли не единственной книгой оставалась книга А.И. Пригожина, опубликованная в 1980 г. и по тем временам, несомненно, новаторская²⁰. Изучалась данная тематика также в Институте системных исследований под руководством Д.М. Гвишиани (но скорее в управленческом ключе)²¹. Позднее начали развиваться более прикладные аспекты, связанные с управлением человеческими ресурсами²². Но в целом данное направление исследований осталось относительно не развитым, а многие исследователи мигрировали в сторону теорий менеджмента.

В реформенный период в середине 1990-х гг. организационная тематика была в основном сосредоточена на проблемах приватизации государственной собственности. При этом многие социологи сосредоточились на отношении работников и населения в целом к этой приватизации – вопросе куда менее интересном, нежели скрытые и явные механизмы трансформации собственности, которыми занимались в первую очередь экономисты. А в конце 1990-х гг., когда приватизация была в основном завершена, на передний план начали выходить проблемы корпоративного управления этой собственностью²³ и построения интегрированных бизнес-групп²⁴.

<http://www.ecsoc.ru>; Радаев В.В. Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. С. 68–87 или [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 42–62](#); Яковлев А. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 134–152.

¹⁹ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ–ВШЭ, 2003. См. также: Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства: к новой социологии рынков // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 18–29; Радаев В.В. Изменение конкурентной ситуации на российских рынках (на примере розничных сетей) // Вопросы экономики. 2003. № 7. С. 57–77.

²⁰ Пригожин А.И. Социология организаций. М.: Наука, 1980. Второе издание с не очень существенными дополнениями см.: Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995.

²¹ Гвишиани Д.М. Организация и управление. 2-е изд. М.: Наука, 1972.

²² Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М.: МГУ, 1993.

²³ Долгопятова Т. Модели и механизмы корпоративного контроля в российской промышленности (опыт эмпирического исследования) // Вопросы экономики. 2001. № 5; Предприятия России: корпоративное управление и рыночные сделки. М.: ГУ–ВШЭ, 2002; Радыгин А. Корпоративное управление в России: ограничения и перспективы // Вопросы экономики. 2002. № 1; Яковлев А.А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников // [Экономический журнал ВШЭ. 2003. Т. 7. № 2. С. 221–230](#).

²⁴ Паппе Я. Олигархи: Экономическая хроника, 1992-2000. М.: ГУ–ВШЭ, 2000 (http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_oligarches).

Постепенно на передний план вышла проблематика *неформальной экономики*, также объединяющая институциональных экономистов и экономсоциологов. В середине 1990-х гг. речь шла лишь о единичных работах. С конца 1990-х гг. их число довольно резко возросло. Обращает на себя внимание периодические публикации статей по соответствующей проблематике в журнале «Вопросы экономики». Появились работы по теории неформальной экономики²⁵ и способах ее измерения²⁶, раскрывалась специфика постсоветской теневой экономики по сравнению с советской. Причем исследования касались и теневой экономики предприятий²⁷, и неформальной экономики домашних хозяйств²⁸.

Плавным продолжением данной темы являются проблемы участия в хозяйственной жизни силовых структур и развития так называемого «*силового предпринимательства*»²⁹, а также влияния *криминальной субкультуры* на хозяйственное поведение³⁰.

Трудовые отношения и проблемы занятости. Серьезно видоизменилась проблематика *трудовых отношений*. В советской социологии труда изучение этих проблем сводилось во многом к диалектическим упражнениям, характеризующим единство общественных, коллективных и личных интересов при общем примате общественных интересов. Про трудовые конфликты речь, разумеется, всерьез идти не могла. Всплеск подобных исследований произошел в конце 1980-х гг., когда в России развернулось активное шахтерское движение³¹. Сформировался интерес к изучению роли альтернативных

---

²⁵ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // [Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 6–12](#)); Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 84–105; Латов Ю.В. Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001 (www.ie.boom.ru); Радаев В.В. Теневая экономика в России: изменение контуров // [Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1. \(Зима\). С. 5–24](#).

²⁶ Пономаренко А. Подходы к определению параметров «теневой экономики» // Вопросы статистики. 1997. № 1; Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России / Под ред. А.Е. Косарева. М.: ТЕИС, 2003.

²⁷ Барсукова С.Ю. Таможня и бизнес: от теневого тандема к легализации // [Мир России. 2002. № 2. С. 70–92](#); Долгопятова Т. и др. Неформальный сектор в российской экономике. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998; Панеях Э.Л. Издержки легальной экономической деятельности: налоговое поведение российских предпринимателей // Конкуренция за налогоплательщика. Исследования по фискальной социологии / Под ред. В.В. Волкова М.: МОНФ. 2000. С. 26–48; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998; Яковлев А. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. 2000. № 11.

²⁸ Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабашиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999; Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

²⁹ Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56–65; Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб.: ЕУСПб, Летний сад, 2002 (публикацию книги по главам см.: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1 – 2003. Т. 4. № 3](#)); Радаев В.В. О роли насилия в современных деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 81–100.

³⁰ Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России. М.: Инфра-М, 2001.

³¹ Борисов В.А. Социальное партнерство в России: специфика или подмена понятий // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 46–55; Новые социальные движения в

профсоюзов³². Появились и обстоятельные исследования трудовых отношений на уровне предприятия, проведенные в Институте сравнительных исследований трудовых отношений, Институте экономики РАН и Новосибирском государственном университете³³.

Другая часть бывшей социологии труда в советское время занималась проблематикой условий, содержания и характера труда, крайне осторожно («на цыпочках») подходя к вопросу о социально значимых трудовых различиях. В постсоветский период наиболее актуальными стали *проблемы занятости* – полной и неполной, формальной и неформальной³⁴. А ключевым вопросом, притягивавшим интерес исследователей рынка труда, стал вопрос о безработице, которой была посвящена весьма значительная доля соответствующих работ³⁵. Другой характерной чертой исследований рынка труда стало то, что если трудовые отношения оставались уделом экономсоциологов, то рынком труда занимались в большей степени экономисты институционального толка³⁶.

России (по материалам российско-французских исследований) / Под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова. Вып. 1, 2. М.: Прогресс-Комплекс, 1993; Клопов Э.В. Переходное состояние рабочего движения // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 10–28; Крутой пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общественных перемен / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И. Кожуховского. М.: Комплекс-Прогресс, 1999.

³² Козина И.М. Профсоюзы в коллективных трудовых конфликтах // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 49–55; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и приобретения в России девяностых. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Раздел 3.

³³ Борисов В.А., Козина И.М. Об изменении статуса рабочих на предприятии // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 16–29; Барсукова С.Ю., Герчиков В.И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего – к частному и разному. Новосибирск, 1997; Романов П.В. Власть, управление и контроль в организациях. Саратов: изд-во Саратовского университета, 2003; Радаев В.В. Четыре способа утверждения авторитета внутри фирмы: некоторые результаты обследования предпринимателей // Социологический журнал. 1994. № 2; Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: РОССПЭН, 1997.

³⁴ Четвернина Т.Я. Политика занятости промышленных предприятий России (по материалам обследования МОТ) // Теория и практика управления. 1995. № 2; Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. 1996. № 9.

³⁵ Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134–149; Куприянова З.В. Безработица. Реальность, ожидания, опасения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1996. № 5; Стэндинг Г., Четвернина Т. Загадки российской безработицы (по материалам обследований Центров занятости Ленинградской области) // Вопросы экономики. 1993. № 12; Хибовская Е.А. Угроза безработицы: положение занятых в негосударственном секторе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1996. № 1.

³⁶ Гимпельсон В., Липпольдт Д. Реструктурирование занятости на российских предприятиях // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7; Государственная и корпоративная политика занятости / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Московский центр Карнеги, 1998; Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ–ВШЭ, 2001.

Традиционно развитой отраслью еще с давних советских времен были исследования *трудовой мотивации и ценностей*. Они подпитывались из двух разных источников. Первым была политическая экономия, в которой мотивы и ценности встраивались в один понятийный ряд с потребностями и интересами³⁷. Вторым была психология, определявшая мотивы как внутренние побуждения к деятельности. Здесь усилия концентрировались на эмпирическом изучении отношения к труду и удовлетворенности трудом³⁸. В постсоветское время вторая, более плодотворная линия исследований, начатая знаменитым трудом «Человек и его работа», была успешно продолжена³⁹. При этом объект исследования был расширен до пределов хозяйственной мотивации (включая, например, предпринимательскую и сберегательную мотивацию⁴⁰), а исследования ценностей, сохранив неперенные социально-экономические элементы, распространились на ранее запретные области, скрепя экономические, политические и идеологические вопросы⁴¹.

Потребление и домашнее хозяйство. Относительно развитой отраслью в советское время можно считать *социологию потребления*, хотя многие занимавшиеся ею коллеги склонны были считать себя экономистами⁴². Достаточно упомянуть четыре серии знаменитого таганрогского исследования⁴³. Развитие социологии потребления в постсоветский период пошло по нескольким направлениям. Продолжились исследования в области стилей жизни новых (в том числе предпринимательских) групп⁴⁴. Возник специальный проект по измерению индекса потребительских настроений⁴⁵. Появились первые учебные пособия по социологии потребления⁴⁶.

---

³⁷ Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986.

³⁸ Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967. Новое издание, дополненное современными материалами, см.: Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.

³⁹ Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 86–91; Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996; Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47–62.

⁴⁰ Радаев В.В. Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности (по материалам эмпирических исследований) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 85–97; Радаев В. В. Что означает «принять предпринимательское решение» (По результатам опроса предпринимателей) // [Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 33–39.](#)

⁴¹ Наиболее масштабное исследование было проведено группой под руководством Н.И.Лапина в виде трех волн в 1990–2002 гг. (см., например: Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // [Мир России. 2003. № 4. С. 120–159.](#))

⁴² Типология потребления / Под ред. С.А. Айвазяна, Н.М. Римашевской. М.: Наука, 1978; Овсянников А.А., Петтай И.И., Римашевская Н.М. Типология потребительского поведения. М.: Наука, 1989.

⁴³ Народное благосостояние: тенденции и перспективы / Под ред. Н.М. Римашевской, Л.А. Оникова. М.: Наука, 1991.

⁴⁴ Рощина Я.М. Стиль жизни предпринимателя: типы потребительских ориентации // Вопросы экономики. 1995. № 7; Рощина Я.М. Досуг московских бизнесменов // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 174–189.

⁴⁵ Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 46–50; Ибрагимова Д., Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 6. С. 36–41.

⁴⁶ Ильин В.И. Поведение потребителей. Учебное пособие. СПб.: ПИТЕР, 2000.

Следует также отметить, что социология потребления активнейшим образом развивается в рамках прикладных *маркетинговых исследований* (например, фирмами «Комкон», «Мониторинг-РОМИР», «GFK-Russia»). К сожалению, львиная доля информации и методических наработок по коммерческим причинам не попадают в академическую печать. К тому же здесь производится масса конкретных эмпирических данных (в основном закрытых), а о теоретических наработках, как правило, речь не идет. И дальнейшее развитие этого направления экономической социологии во многом зависит от того, удастся ли соединить социологию потребления с маркетинговыми исследованиями.

По сравнению с потребительской проблематикой *социология финансового поведения* в советское время находилась в полном «загоне», поскольку обществоведы жили в ожидании постепенного отмирания товарно-денежных отношений. Поэтому все, что было связано с деньгами, не пользовалось особой популярностью. Что же касается экономистов, то их интересовали в первую очередь, структура доходов и расходов населения. И сегодня мы вынуждены признать, что социологию финансового поведения еще предстоит создать, сделаны лишь первые шаги в этом направлении⁴⁷. Особый интерес в реформенный период вызвала проблематика сбережений населения, и появилось немало работ, посвященных не только оценке их объема, но структуре сберегательной мотивации и сберегательным стратегиям⁴⁸. Совершенно не развитой остается *социология денег*, если исключить некоторые заходы политико-экономического характера⁴⁹. Появилась также горстка работ по социологии массового финансового поведения⁵⁰.

Особый род исследований домашних хозяйств связан с изучением *бюджетов времени*, следующий традиции, тянущейся еще от С.Г. Струмилина. В советское время подобными трудоемкими исследованиями занималась в Новосибирске группа Г.А. Пруденского⁵¹. Дело было продолжено коллективом В.Д. Патрушева, переместившегося из Новосибирска в московский Институт социологии РАН, а в Новосибирске – группой В.А. Артемова⁵².

---

⁴⁷ В качестве одной из таких попыток см.: Ивашиненко Н.Н. Эволюция взаимодействия финансовых структур и населения России (1987–2002). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002.

⁴⁸ Луценко А.В., Радаев В.В. Сбережения работающего населения: масштабы, функции, мотивы // Вопросы экономики. 1996. № 1; Радаев В.В. О наличии сбережений и сберегательных мотивах российского населения // Вопросы социологии. 1998. Вып. 8. С. 39–54; Сбережения населения Российской Федерации: Аналитический доклад ИСЭПН РАН. М.: Инфограф, 1997; Стребков Д.О. Трансформация сберегательных стратегий населения России // Вопросы экономики. 2001. № 10; Хахулина Л.А. Как население намерено использовать свои сбережения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 3.

⁴⁹ Васильчук Ю.А. Социальные функции денег // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2; Верховин В.И. Структура и функции монетарного поведения // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 67–73.

⁵⁰ Кузина О.Е. Формирование доверия в массовом инвестиционном поведении // [Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 171–181](#); Радаев В.В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. XI. № 2. С. 39–70 или <http://www.socio.ru/wr/>.

⁵¹ Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972.

⁵² Артемов В.А. Социальное время: проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1987; Патрушев В.Д. Использование совокупного времени общества (проблемы баланса времени населения). М.: Мысль, 1978; Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: ИС РАН, Academia, 2000.

В постсоветское время в связи с сокращением финансирования подобные исследования пошли на убыль, хотя частично работы продолжаются⁵³. Используются также элементы бюджетного подхода при изучении сельских семей и гендерного распределения ролей в домашнем хозяйстве⁵⁴.

Социальная стратификация и тип общества. Изучение *социально-классовой структуры*, как мы упоминали в предыдущей главе, наряду с социологией труда, было одним из ведущих исследовательских направлений советской социологии. И активное продолжение стратификационных исследований вполне закономерно⁵⁵. Основная часть работ посвящена проблемам социально-профессиональной дифференциации⁵⁶ и дифференциации по материальным признакам⁵⁷. Продолжают публиковаться работы и по социальной мобильности⁵⁸.

В середине 1990-х гг. весьма популярной стала тематика исследования *политических и хозяйственных элит*. Самое крупное исследование в этой области было выполнение ВЦИОМ в рамках международного проекта под руководством И. Селеньи⁵⁹. Длительное время занималась тематикой политических и деловых элит О.В. Крыштановская⁶⁰.

---

⁵³ Караханова Т.М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965–1998 гг. // [Социологический журнал. 1999. № 3–4. С. 110–115](#); Патрушев В.Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980–1990-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 32–39.

⁵⁴ Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 65–102; Римащевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999. С. 113–153; Барсукова С.Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 21–31.

⁵⁵ [Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 150–152](#); Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг. Сыктывкар, 1996. С. 198–215.

⁵⁶ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 1996; Заславская Т.Н. Стратификация современного российского общества. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15; Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.

⁵⁷ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.

⁵⁸ Черныш М.Ф. Социальная мобильность в 1986–1993 годах // Социологический журнал. 1994. № 2; Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Ростовцев П.С. Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства // [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 72–86](#).

⁵⁹ Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 6; 1996. № 1.

⁶⁰ Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социологические исследования. 2002. № 8; Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. Т. XI. № 4. С. 3–60.

К концу 1990-х гг. на передний план выходит проблематика *среднего класса*⁶¹. Появилось и фундаментальное исследование средних классов в России как результат проекта Московского Центра Карнеги (руководитель – Т.М. Малева)⁶². Во многом растущий интерес к российским средним классам соответствует фундаментальным трансформациям деловых стратегий ведущих участников потребительских рынков⁶³.

Особый интерес сохраняется также к проблематике *бедности* – определению черты бедности, структуры бедных семей, глубины и застойности бедности⁶⁴, а также вопросу адресности поддержки бедных семей⁶⁵. Есть некоторые работы по теории бедности и андекласса⁶⁶. В конце 1990-х годов массовые задержки и невыплаты заработной платы спровоцировали также изучение обширных групп так называемых работающих бедных⁶⁷.

Не получила пока должного развития чрезвычайно актуальная тема этнических отношений в хозяйстве (возможно, в виду особой деликатности этнических проблем). Тем не менее,

---

⁶¹ Заславская Т.И., Громова Р.А. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–22; Саблина С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // [Социологический журнал. 2000. № 1–2](#); Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Авт. коллектив: Е.А. Авраимова, Л.М. Григорьев и др. Бюро экономического анализа. М.: ТЕИС, 2000; Средний класс в современном российском обществе. М. РОССПЭН, 1999. С. 83–95; Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.

⁶² [Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.](#)

⁶³ Об этом см.: Радаев В.В. Изменение конкурентной ситуации на российских рынках (на примере розничных сетей) // Вопросы экономики. 2003. № 7. С. 57–77.

⁶⁴ [Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению М.: Моск. центр Карнеги, 1998. С. 15–20](#); Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Альтернативные подходы к определению бедности // Куда идет Россия: Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 209–218; Тихонова Т.Е. Феномен городской бедности. М.: Летний сад, 2003; Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России: двойное исключение // [Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 59–78](#); Бедность: взгляд ученых на проблему / Отв. ред. М.А. Можина. М.: ИСЭПН РАН, 1994; Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54–60.

⁶⁵ Мисихина С.Г. Социальные пособия, льготы и выплаты в Российской Федерации. Распределение по группам населения с различным уровнем дохода: проблемы и решения. М.: TACIS, EDRUS 9410. 1999.

⁶⁶ Ярошенко С.С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2; Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35; Балабанова Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // [Экономическая социология. 2002. Том 3. № 3. С. 59–78.](#)

⁶⁷ Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 28–37 или [Экономическая социология. 2000. Том 1. № 1. С. 25–36](#); Радаев В.В. Кто поможет работающим бедным // [Pro et Contra. 2001. Том 6. № 3. \(Лето\). С. 63–79](#); Kapelyushnikov R. Explanations for Wage Arrears: A Microeconomic Perspective // [The Russian Economic Barometer. 2000. № 4.](#)

следует упомянуть появление ряда работ по весьма интересной теме *этнического предпринимательства*⁶⁸.

Особое место занимают *крестьяноведческие исследования*⁶⁹. Здесь наиболее сильным несомненно выглядит коллектив под руководством Т. Шанина, который провел целую серию исследований в ряде российских сел⁷⁰.

Проявился интерес к проблематике *социального капитала и доверия* в хозяйственных отношениях – одной из наиболее популярных тем в западных социальных науках начала 2000-х годов⁷¹. В то же время по-прежнему неразработанным остается направление социологии хозяйственного знания и в том числе изучение *хозяйственных идеологий*⁷².

После безуспешных попыток обосновать построение развитого социализма в период перестройки популярной стала тема *моделей социально-экономического развития* – попыток ответить на вопрос, какое общество мы строим⁷³. К середине 1990-х годов подобный интерес существенно снизился, но не исчез⁷⁴.

---

⁶⁸ Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81](#); Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. № 5. С. 79–87.

⁶⁹ Возьмитель А.А. Социальные типы фермеров и тенденции развития фермерского движения // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 43–50; Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационный процессов. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2000; Папиорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001. М.: ИСЭПН РАН, 2003.

⁷⁰ Рефлексивное крестьяноведение: десятилетия исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, В.П. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002; Виноградский В.Г. Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) // Социологические исследования. 1996. № 6; Штейнберг И.Е. Тенденции трансформации власти в постсоветском селе // Социологические исследования. 1996. № 7; Фадеева О.П. Неформальная занятость в сибирском селе // [Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 61–93](#).

⁷¹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // [Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–17](#) или [Экономическая социология. 2002. Том 3. № 4. С. 20–32](#); Шихирев П.Н. Феномен социального капитала: социально-психологический подход // [Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32](#).

⁷² В качестве исключений см.: Радаев В.В. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания / Сост. С.Б. Чернышев. Т. 1. М.: Аргус, 1995. С. 289–320; Радаев В.В. Хозяйственная система России сквозь призму идеологических систем // Вопросы экономики. 1995. № 2. С. 30–39; Новикова Е.Г. Идеологическая композиция экономических программ КИРФ, «Яблока» и «Единства» // [Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 94–114](#); Пешняк А.В. Идеологическая составляющая документов реформирования РАО «ЕЭС России» как способ координации и продвижения интересов // [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 96–125](#).

⁷³ Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция // [Общественные науки и современность. 1994. № 3](#); Бессонова О.Э. Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999; Бутенко А.П. О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. 1994. № 10.

Наконец, все более популярными становятся проблемы *социальной политики*. В первую очередь, это связано с началом масштабных социальных реформ в таких сферах, как жилищно-коммунальное хозяйство, пенсионное обеспечение, образование⁷⁵. (О внимании к бедности и адресной социальной поддержке мы уже говорили.) Здесь также имеется благоприятная почва для стратегических альянсов с экономистами.

Причины институционализации экономической социологии. Какие причины лежат в основе быстрого развития и интенсивной институционализации экономической социологии в постсоветской России? И есть ли основания для оптимизма в отношении ее будущего развития? Нам кажется, что такие основания есть. Более того, экономическая социология в России (как, впрочем, и в некоторых других посткоммунистических странах) имеет более благоприятные перспективы, чем в ведущих западных странах.

Первая причина состоит в том, что под влиянием марксистской политической экономии социально-экономическая (в первую очередь трудовая и классовая) проблематика занимала важные позиции в развитии советской социологии. В результате были созданы серьезные *теоретические и эмпирические заделы*, которые можно было использовать в реформенный период. Со временем значение этих заделов уменьшается, но на первом этапе наличие относительно длительной исследовательской традиции сыграло позитивную роль.

Вторая причина заключалась в том, что в отличие от западных университетов на первом этапе в России *не наблюдалось жесткого разделения между экономистами и социологами*. Это связано, с одной стороны, с тем, что многие экономисты старших и средних поколений имели относительно «мягкое», политико-экономическое (не математическое) образование. А с другой стороны, большинство социологов старших и средних поколений не имели базового социологического образования, многие были выходцами из экономической среды. Напомним, что ряд факультетов социологии появился в результате отпочкования именно от экономических факультетов. В результате экономсоциологи и экономисты институционального направления достаточно легко устанавливали содержательный контакт, и целый ряд исследователей работали сразу на два лагеря, квалифицируясь одновременно как экономисты и экономсоциологи. Безусловно, эта ситуация благотворно сказалась на развитии экономико-социологических исследований. Но, увы, она не может длиться вечно. По мере профессионализации высшего образования новые поколения экономистов все менее осведомлены о том, что происходит в социологии, а социологи оказываются все дальше от экономической теории в ее современном понимании. И несмотря на попытки отдельных

С. 95–102; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 50–61.

⁷⁴ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 2001; Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia – Наука, 1998; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001; Рывкина Р.В. Экономическая социология переходного периода. М.: Дело, 1998.

⁷⁵ Баскаков В.Н, Баскакова М.Е. О пенсиях для мужчин и женщин: социальные аспекты пенсионной реформы. М.: Московский философский фонд, 1998; Бесплатное здравоохранение: реальность и перспективы / Под ред. С.В. Шишкина и др. Серия «Научные проекты НИСП». М.: ООО «Пробел-2000», 2002; Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ–ВШЭ, 2003; Шишкин С.В. Формальные и неформальные правила оплаты медицинской помощи // Мир России. 2003. № 3.

вузов удерживать связи между двумя дисциплинами, разрыв будет увеличиваться – экономисты и социологи все больше будут говорить на разных языках⁷⁶.

Третья причина заключалась в успешной *формальной институционализации экономической социологии*, которая играет немалую роль. Например, государственные образовательные стандарты хотя более и не являются жестко директивными, продолжают иметь мобилизующее значение. Причем на соответствие государственному стандарту и наличие грифов Министерства образования России (ликвидированного в 2004 г.) ориентировались не только высшие учебные заведения (в особенности региональные), но и ведущие издатели учебной литературы, для которых тиражность изданий во многом связывается с соответствием государственному стандарту.

Четвертая причина видится в наличии в России *внутреннего спроса* на экономико-социологические исследования. В отличие от многих «малых наций», которые еще в советский период активно переходили к профессиональной работе на английском языке (наиболее характерным примером в этом отношении является Венгрия), в России сохраняются серьезные разрывы между работой на «внутренний рынок» и работой «на экспорт». Одна из главных причин заключается в сохранении языковой проблемы среди основной части специалистов и слабой вестернизированности академического пространства в целом. Английский язык по-прежнему не является основным или даже параллельным средством профессионального общения и публикаций, а также фактически не используется на специальном уровне в сфере высшего профессионального образования. И хотя внутренний (русскоязычный) рынок для социологии не очень обширен, он все же достаточен, чтобы поддерживать экономико-социологические исследования независимо от спроса на них на Западе. Есть также какая-то надежда, что наблюдаемое с конца 1990-х гг. падение интереса со стороны международного сообщества к российским проблемам и соответствующие сокращение финансирования российских исследований западными фондами будет (хотя бы отчасти) компенсировано государственными источниками финансирования, поддерживающими упомянутый «внутренний рынок» академических работ.

Четвертая причина состоит в повышенной степени «*экономизации*» сознания российских людей, которая означает, что социально-экономические проблемы устойчиво занимают одно из первых мест среди проблем, волнующих и население, и специалистов. А поскольку нет серьезных оснований предполагать, что эти острые социально-экономические проблемы, касающиеся значительной части населения, будут успешно разрешены в ближайшем будущем, повышенный спрос на экономико-социологические разработки в целом гарантирован.

Пятая причина повышенного спроса на экономсоциологов связана с *интенсивным развитием прикладных исследований рынков*. Правда, следует отметить, что мало кто из работодателей заявляет о потребности в социологах как таковых, всем нужны специалисты в области маркетинга и рекламы, связей с общественностью и управления персоналом. Однако это не означает, что рынок труда для экономсоциологов не сформирован или что он ограничен горсткой опросных социологических фирм. Просто спрос на данного рода специалистов предьявляется под другими именами. И во всех этих прикладных областях молодые экономсоциологи способны находить (и реально находят) свое применение.

---

⁷⁶ Отчасти этот процесс может сдерживаться, как это происходит на факультете социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, где экономические дисциплины преподаются в достаточно солидном объеме, и вдобавок несколько социологических дисциплин имеют экономические разработки в качестве весомой составляющей.

Впрочем, в ряде отношений рынок для специалистов по экономической социологии еще только предстоит сформировать. И речь идет отнюдь не только об опросах общественного мнения, а о широких и пока слабо освоенных областях социального анализа, проводимого в рамках государственных, общественных и коммерческих структур. Еще одной из сфер приложения экономико-социологических знаний, по всей видимости, станут бизнес-школы и сфера дополнительного профессионального образования в целом, которая будет расширяться вслед за развитием рынков.

Заключение. В завершение укажем еще на одну проблему, связанную со *сменой поколений* в экономической социологии. Старшее поколение «отцов-основателей», или шестидесятников, а также следующее за ними поколение (к которому относится и автор данных строк) были более академичными (в смысле преданности идеалам науки), имели более широкие гуманитарные интересы и разнопрофильное образование, но в то же время оставались менее профессионально подготовленными (по причине отсутствия базового образования и, как правило, ограниченного знакомства с западными исследовательскими традициями). Эти поколения были более идеологизированными (не важно, шла ли речь о марксизме или альтернативных взглядах) и в то же время более нацеленными на социальную критику и переустройство общества. Они демонстрировали повышенный уровень социального алармизма. Иными словами, социологи были в сильной степени идеологами, критиками и миссионерами, нежели просто аналитиками. Для них была характерна ориентация скорее на крупные социальные проекты, нежели на практические результаты в каких-то узких областях. Они привыкли работать по запросу политической власти, а не по заказам конкретных участников рынка (каковые в советское время попросту отсутствовали). Многие из них пристрастно относились к объекту своих исследований, изучая те формы, которые нравились и развитие которых хотелось бы видеть в будущем.

Эта идеологизированность и социальный алармизм особенно ярко проявились в период перестройки и начального периода реформ, когда социологи попытались активно воздействовать на процесс социальной и экономической трансформации. Но случилось так, что сфера экономической и социальной политики в реформенной России оказалась захвачена экономистами. А сфера прикладного социологического анализа начала осваиваться возникшими опросными фабриками, которые (постепенно или сразу) превращались из «социального рупора» в инструменты, обслуживающие электоральные кампании политических партий и маркетинговые кампании крупного бизнеса. И в том, и в другом случае академическая социология не находила себе должного применения.

Более молодое поколение российских экономсоциологов выглядит иначе. Оно в целом лучше профессионально подготовлено, ибо вместо самообучения получает базовое социологическое образование (порою сносного уровня). Все больше молодых специалистов имеют профильные ученые степени. Часть из них получают западные дипломы, осваивая более рациональные принципы организации академической работы.

Представители нового поколения менее академичны и легче покидают университетскую среду. Они более аполитичны и способны, например, работать на самые разные политические партии, что старшему поколению кажется проявлением всеядности и даже беспринципности. Они более поглощены прикладными методами, нежели высокими идеями. Это поколение включается в практики, которые учат большей личной отстраненности от объекта исследования, оно более открыто к коммерческим проектам. Отсутствие «социального горения», личного соперничания и нацеленности на решение крупных социальных задач кажется представителям старшего поколения бездушным прагматизмом. Но как бы критично мы ни относились к этому прагматизму, чтобы вписаться в новые рыночные реалии, экономсоциологам (и социологам в целом) придется учиться сочетать то, что раньше зачастую сочетать не удавалось – поиск высокой истины и работу на осязаемый (нетеоретический) результат.

Тематические рубрикаторы по экономической социологии ЭКСОЦЕНТРа

Методологические подходы

1. Классики экономической социологии / Classics of economic sociology
2. Социология рационального выбора / Rational choice sociology
3. Сетевой подход / Network approach
4. Институциональный подход / Institutionalism
5. Социокультурный подход / Cultural approach
6. Антропологический, этнографический подход / Anthropology and ethnography
7. Исторический подход / Historical approach
8. Политико-экономический подход / Political economy
9. Стратификационный и классовый подходы / Stratification and class
10. Экономико-психологический подход / Economic psychology
11. Компаративный (кросснациональный) подход / Comparative economic sociology
12. Социогеографический / пространственный подход / Spatial approach

Тематика исследований

- A. Методология экономической социологии / Methodology of economic sociology
- B. История экономической социологии / History of economic sociology
- C. Власть и хозяйство. Государство и хозяйство / Power and economy. State and economy
- D. Культура и хозяйство. Хозяйственная этика / Culture and economy. Business ethics
- E. Социальный капитал и доверие / Social capital and trust
- F. Предпринимательство и создание предприятий / Entrepreneurship and start-ups
- G. Права собственности и структуры управления / Property rights and governance structures
- H. Производственная деятельность / Production activity
- I. Трудовые отношения и трудовые конфликты / Labour relations and industrial conflict
- J. Рынки труда. Занятость / Labour markets. Employment
- K. Финансовое поведение. Деньги / Financial behaviour. Money.
- L. Потребление и стили жизни / Consumption and life-styles
- M. Неформальная экономика / Informal economy
- N. Криминалитет и хозяйство / Crime and economy
- O. Социально-экономическая дифференциация. Бедность / Social and economic differentiation. Poverty
- P. Гендерные отношения и хозяйство / Gender and economy
- Q. Этнические отношения и хозяйство / Ethnicity and economy
- R. Модели социально-экономического развития / Models of social and economic development
- S. Международные связи. Глобализация / International relations. Globalization
- T. Хозяйственные идеологии / Economic ideologies
- U. Информационные технологии. Интернет / Information technologies. Internet
- V. Социальная политика / Social policy
- W. Посткоммунистические трансформации / Post-communist transformations